

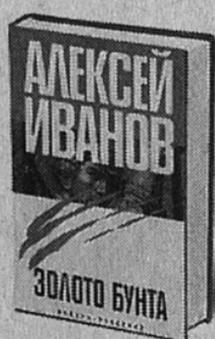
КНИГИ ЗА НЕДЕЛЮ

Лиза Новикова

Много непростых слов нашел Алексей Иванов для своего развлекательно-приключенческого романа «Золото бунта». Лексику фильтровал строго: чтобы попасть в эту историю из жизни уральских сплавщиков XVIII века, слово должно было быть как минимум устаревшим. А еще желательнее — означать какую-нибудь снасть барки. Один заголовок заковыристее другого: «Купли житейские», «Пытарь Бакир», «Расседины земные». Здесь просто невозможно представить, например, цитату из «Песни сплавщика» Высоцкого — нет, никаких постмодернистских улыбок. Вообще-то обычно так представители этого литературного сегмента не делают: читателя исторических хроник принято жалеть. Как говорил Юрий Тынянов, «Прохладный вечер спускался над древними Афинами... Афины в то время и не могли были древними». Ни Лажечников, ни Пикуль не воздвигали языкового барьера между собой и читателем. Иванов попробовал воздвигнуть.

Он уже и романом «Сердце Пармы», кажется, не столько дебютировал, сколько зарезервировал себе место в литературной кунсткамере. «А потом спокойным и уверенным движением хакан Асыка положил иттарму на порог амбарчика, снял с нее Тамку и снял тамгу со своей шеи...» — этот пассаж мы тогда привели как одну из «цитат года» и скорее присоединились к букеровскому жюри, проигнорировавшему «Сердце Пар-

Алексей Иванов.
Золото бунта,
или Вниз по реке Теснин.
СПб.: Азбука-классика, 2005

Павел Крусанов.
Американская дырка.
СПб.: Амфора, 2005

мы». Но у романа нашлись поклонники, готовые идти с этим дотошным уральским следопытом в любые стилистические дебри. Действительно, мы истосковались по этнографической, но без излишней сермяжности, прозе на родном материале. Читателю, давно живущему по евростандарту, приятно на досуге вспомнить, как его предки ши лаптями хлебали. Не знаю, окажется ли востребованным творчество Иванова у тех, кто до сих пор так ложкой и не обзавелся.

В «Золоте бунта» Алексей Иванов тоже не говорит слова в простоте, но примерно каждые сто страниц бросает читателю спасательный круг. Даже тем, кто уже давно понял, что молодой сплавщик Осташа не столько гоняется за спрятанной где-то в уральских дебрях казной Емельки Пугачева, сколько надеется восстановить доброе имя своего батьки, — писатель на всякий случай еще несколько раз пересказывает краткое содержание предыдущих серий. Заявленный издателями немалый тираж говорит о том, что этот роман должен понравиться не только завсегдааям краеведческих музеев. А потому здесь учтены все возможные конъюнктурные соображения. На месте мистика, есть кстати и некстати появляющиеся вставные преданья старины глубокой. Есть по-некрасовски последовательная переписка уральского населения XVIII века: сплавщики, купцы, золотоискатели, раскольники, представители власти и даже дамы полусвета (по-тогдашнему «жлудовки»). Кстати, «Золото бунта» — настоящая ловушка для феминисток. Демонстрировать, насколько дремучими были те времена, приходится не Остафию и даже не ополчившимся на него врагам, а бедным тогдашним матронам. Здесь их «насильничают» примерно каждые 50 страниц. А поговорить — никто не хочет. Даже главный герой сцену признания в любви превращает в какое-то псевдославянское порно.

Книжечка - 19 стр. - с. 22